"Это город Цин? Эти заборы очень высокие!" Вэй Сячжуан воскликнул, увидев, что городские стены почти достигли неба. Его голос был наполнен благоговением и неверием.

Ли Йе засмеялся и сказал: "Это называется городская стена".

"Конечно, это то, что я имел в виду. Мой хозяин рассказал мне об этом." Вэй Сячжуан ответил со всей серьезностью, ведя себя так, как будто он только что совершил ошибку. Он продолжил: "Но она не такая высокая, как он когда-то утверждал. Он сказал, что есть городская стена высотой с гору, но я говорю, что он определённо это выдумал".

Ли Йе улыбнулся его ответу. Как одна из префектур в Пинлу, префектура Цин имела очень высокие городские стены. Тем не менее, это все равно не могло сравниться с Чаньяном, поэтому Ли Йе не чувствовал себя так удивленно.

Когда они втроём вошли в город в карете, сержант, охраняющий городские ворота, провёл тщательный обыск кареты. Это было сделано не потому, что в эти дни охрана в префектуре Цин была плотной, но вид троих из них, ехавших в пустой карете, был слишком подозрительным, чтобы его можно было не заметить.

Сержант ничего не нашел. Он взглянул на них троих с осуждающим взглядом на лице, и его взгляд особенно долго оставался на лице Су Эмей. В конце концов, он помахал им и пропустил.

Пройдя через коридор под городскими воротами, их видение расширилось. Увидев движущуюся толпу на широких улицах и высокие дома по обеим сторонам улицы, Вэй Сячжуан уже не мог притворяться, что это не первый раз в городе. Он смотрел на все, что перед ним было, и полностью перестал двигаться.

"Хватит пялиться, давайте поторопимся", - сказала Су Эмэй ему тихим голосом, проходя мимо него.

Вэй Сячжуан ускорил темп, но постучался в крепкого мужчину, одетую в шикарный халат. Под его взглядом Сячжуан быстро улыбнулся и извинительно кивнул. Когда он догнал Су Эмэй, он все еще смотрел вокруг в страхе. Он спросил ее также врасплох: "Здесь так много людей, и все дома такие огромные и похожие, как мы найдем семью Цуй?".

Су Эмэй тоже была неуверенна и нервничала по этому поводу, поэтому она посмотрела на заднюю часть Ли Е и попыталась вести себя спокойно. "Не волнуйся, у нас все еще есть Чайлд Ли". Он должен очень часто посещать город, так что он определённо знает, как это выяснить".

"Ты прав." Вэй Сячжуан с благодарностью кивнул. "К счастью, мы встретились с братом Ли по дороге, иначе нашу задачу было бы намного сложнее выполнить." Он ускорил темп и догнал Ли Йе, как он сказал.

"Давайте сначала продадим этот вагон", - сказал Ли Ёе. "Мы должны найти карету на близлежащем рынке, а затем проехать к семье Цуй".

Вэй Сячжуан очень запутался в терминах, которые он только что использовал, так как понятия не имел, что это такое, поэтому он просто кивнул и сказал: "Всё, что скажешь, брат Ли".

Ли Е оглянулся на Су Эмэй и увидел, что она выглядит спокойной и собранной, как обычно, в отличие от нервной и взволнованной Вэй Сячжуан. Однако, под его дотошным наблюдением, он все же обнаружил, что хватка Су Эмэй вокруг ее меча слегка затянулась.

Ее поведение не было неразумным, так как все на улице поворачивали голову и смотрели на Су Эмэй немного дольше, каждый раз, когда видели ее. Некоторые девушки даже хихикали между собой. Дело не только в том, что Су Эмэй выглядела потрясающе, но и в том, что на ней была одежда Ли Ёе.

Ни одна леди не стала бы носить длинный халат, если бы это не был даосский халат. Несмотря на то, что Су Эмэй была высокой и у неё были длинные ноги, халат всё равно не подходил ей достаточно хорошо.

Для того, кто переживал Цзянху и впервые въехал в город, было неизбежно, что Су Эмэй будет чувствовать себя довольно нервно под пристальным взглядом всех, кто находится на улице. Увидев это, Ли Е решила купить ей новую одежду перед посещением семьи Цуй. Даже если семья Цуй не сочла странным и неуместным видеть её в мужской одежде, сама Су Эмэй точно не почувствовала бы себя непринуждённой в этом халате.

Когда они продали карету, покупатель заплатил Ли Е одной огромной сумкой, полной монет, которая весила около пяти килограммов. Именно так и производились выплаты в то время - когда большие семьи хотели купить дорогие вещи, они часто позволяли своим слугам носить с собой несколько огромных мешков с монетами. Может быть, это и выглядело впечатляюще, но это было очень неудобно, поэтому другие формы валюты, такие как банкноты, были изобретены позже в истории.

"Так много?" Су Эмэй была шокирована, когда увидела сумму, потому что она дала Ли Е только горстку монет, когда возвращала ему деньги...

"Эти монеты такие же, как те, что мы привезли?" Вэй Сячжуан заглянул на некоторое время в сумку с монетами, а затем сказал Ли Ёе с растерянным лицом: "Они выглядят точно так же!"

"Конечно, они не одинаковые! Монеты из вашего храма - редкий вид." Ли Ёе солгал им, потому что не хотел ставить их в неловкое положение.

Су Эмэй сразу покраснел и взглянул на Ли Ёе. Чувствуя и смущение, и злость, она сказала: "Ты считаешь меня глупой?"

Теперь она наконец поняла, что должна Ли Ёе кучу денег. Вспомнив, как взволнованно выглядел этот купец, когда он ушел с золотом, Клэри догадалась, что кусок золота еще ценнее.

Однако Ли Ёе даже не упомянула об этом. Его щедрость улучшила впечатление Су Эмэй о нем, но в то же время заставила ее почувствовать себя очень виноватой и неловкой.

"Находясь в Цзянху, вы должны знать, что деньги вовсе не важны! Лояльность по отношению к друзьям имеет гораздо большее значение!" Ли Ёе вдруг начал проповедовать с праведным лицом и серьезным голосом, как и все опытные старшеклассники в Цзянху. Затем он передал сумку Вэй Сячжуану и сказал: "Вот твои деньги, береги их!".

Су Эмэй был в растерянности на мгновение. Она посмотрела на Ли Ёе в замешательстве и моргнула большими глазами, полными вопросов.

Держа в руках огромный мешок с деньгами, Вэй Сячжуан тоже не знала, как реагировать.

"Пойдём, купим тебе новую одежду, - помахала Ли Ёе и сказала, - если только ты не предпочитаешь быть в центре всеобщего внимания".

Су Эмэй почувствовала себя немного смущённой, так как не хотела быть в глазах у всех, но покупка новой одежды обошлась бы ей дороже. Она хмурилась этой мысли, не зная, какое решение ей следует принять.

Ли Ёе быстро проявила свою решительную сторону и привела их в модный портной Су Эмэй, чтобы выбрать себе готовую одежду. В маленьких портных магазинах может быть только материал, но не готовая одежда.

Когда Су Эмэй выбирала одежду, она столкнулась с реальными трудностями. Она не могла носить все эти красочные светлые платья, так как просто не могла их оценить. По ее мнению, эта одежда не предназначалась для ношения.

Чем больше одежды она смотрела и чем драгоценнее ее описывал владелец магазина, тем более смущенной она себя чувствовала и тем ниже держала голову. Когда ее ухо стало почти красным, как созревшее яблоко, Ли Ёе в конце концов решила вытащить ее оттуда, чтобы вместо этого купить ей халат даосской эпохи.

В конце концов, Ли Ёе отправилась в поместье семьи Цуй с двумя даосами.

"Цуй Кели?" Услышав это имя от Су Эмэй, Ли Ёе уже создала образ стройного старика с длинной белой бородой.

Когда секретарша у консьержа услышала, что они хотят встретиться с Цуй Кели, он посмотрел на них странным образом, как будто трое из них были идиотами. Если бы Цуй Эмэй и Вэй

Сячжуан не были даосами, он мог бы даже не войти и не доложить за них.

"Вы уже встречались с Цуй Кели?" Ли Ёе спросил Су Эмэй и Вэй Сячжуан.

Оба они покачали головой, и Су Эмэй объяснил: "Хотя наш хозяин сказал, что он очень часто оказывает помощь нашему храму, на самом деле он никогда раньше не посещал наш храм".

Ли Е больше не спрашивал. Он уже слышал о Цуй Кели. Его память в этой жизни сказала ему, что госпожа Цуй всегда повторяла это имя, когда была еще жива, поэтому он, вероятно, был ее младшим братом или чем-то вроде того.

Они довольно долго ждали консьержа. Как раз в тот момент, когда Вэй Сячжуан стал нетерпеливым, слуга средних лет, наконец, вышел и поприветствовал их. "Пройдя весь этот путь, вы все, должно быть, устали, пожалуйста, следуйте за мной." Этот слуга был одет в голубую льняную рубашку, которая уже выглядела белой по углам, и пару суконных туфель.

Ли Ёе задумался, когда увидел этого слугу. Если слугу послал сам Цуй Кели, то он должен был быть тем, кому глубоко доверяет. Как к слуге во внутреннем дворе, с ним нужно обращаться довольно хорошо. Видя, что одежда этого слуги выглядит ещё более потрёпанной, чем одежда секретарши, Ли Е догадался, что и с Цуй Кели в семье Цуй обращаются не очень хорошо.

Следуя за этой служанкой средних лет, они втроём прошли по многим извилистым маршрутам и прошли мимо многих павильонов, и их местонахождение, похоже, стало более отдалённым. Среди всех, с кем они столкнулись на пути, никто не приветствовал этого слугу средних лет, что еще раз подтвердило суждение Ли Ёе.

Пройдя около получаса, вокруг них уже не было домов. Они перелезли через небольшой холм и прошли мимо бамбукового леса, и, наконец, увидели ручей и несколько сельскохозяйственных угодий с посевами текущего сезона. Там был еще один участок земли, на котором выращивали овощи, и их рост выглядел действительно многообещающе. Каждый кусок земли был очень хорошо ухожен и полит этим ручьем, все эти детали показали, что фермер должен быть трудолюбивым человеком.

Перед фермерскими угодьями стояли два дома, внутри которых было пять или шесть комнат, плюс один соломенный домик, где выращивали кучу уток и цыплят. Кроме них во дворе лежала большая желтая собака, наслаждавшаяся солнечными ваннами. Когда она увидела Ли Ёе и других, она сначала лаяла на них, а затем произнесла маленький нытик и легла, чтобы снова насладиться загоранием, как бабушка, наслаждающаяся своей беззаботной жизнью.

"Сяоман, может быть, и ленива, но она очень хорошо понимает людей. Только что Сяоман только что поприветствовал меня. Так как ты со мной, она не будет тебе мешать, - мягко сказал слуга средних лет.

"Сяоман?" Вэй Сячжуан посмотрел на слугу средних лет, указывая на большую жёлтую собаку,

и в удивлении спросил: "Вы сказали, что эту жёлтую собаку зовут Сяоман?"

Слуга кивнул. "Сяоман - женщина".

Вэй Сячжуан поцарапал ему голову, но в конце концов, держал свои слова при себе. Он не хотел подтверждать пол собаки, он просто подумал, что Сяоман - это человеческое имя.

Слуга привел их в пустой дом и попросил присесть. Он сказал: "Простите за мое скромное жилище, пожалуйста, присаживайтесь и почувствуйте себя как дома". Я приготовлю для вас чай и скоро вернусь".

Затем он снова вышел из дома.

Су Эмэй и Вэй Сячжуан сели как следует и начали осматривать комнату.

В этой комнате не было много мебели. Судя по следам свежих царапин на полу, этот набор из четырех стульев и стола с высокими ножками был приобретен совсем недавно. Однако было много книжных полок, заполненных старинными книгами и записями. Письменный стол был покрыт использованной писчей бумагой. Когда через окно в комнату проникал солнечный свет, и нежный ветерок ласкал бумагу на письменном столе, раздавались шуршащие звуки, и по всей комнате распространялся освежающий запах книг и чернил.

Ли Ёе подошёл к письменному столу и сразу же был привлечён сильным почерком на письменной бумаге. Несмотря на то, что бумага была самым распространённым видом, она всё равно не останавливала его желания поднять её и прочитать.

Прочитав одну страницу, Ли Ёе немного нахмурился и начал думать. Содержание этих черновиков показало глубокое и уникальное понимание, поэтому их должен был написать известный учёный, которым должен был быть сам Цуй Кели. Тем не менее, качество бумаги было слишком плохим, чтобы быть тем, что он может использовать. Ученые, как правило, имели очень высокие стандарты для стационарных они использовали, так как только лучшие стационарные считались достаточно элегантными для них. До тех пор, пока они могли позволить себе более качественную стационарную бумагу, они наверняка использовали бы лучшую.

С подносом в руке, слуга средних лет пришел подавать Су Эмэй и Вэй Сячжуан чай. Увидев Ли Ёе, стоящего перед письменным столом, он удивился и спросил: "Даосский мастер, не увлекаешься ли ты также произведениями конфуцианства?"

Ли Ёе засмеялся и сказал: "Я не даосист, я просто друг этих двух даосов. Я прочитал некоторые произведения конфуцианства и заинтересовался ими. Прочитав черновики господина Цуй, я действительно впечатлен его пронительностью и пониманием".

В глазах слуги среднего возраста промелькнул намек на волнение, как будто он только что нашел себе друга-единомышленника после стольких лет.

Вэй Сячжуан кашлянул и посмотрел на слугу серьезным лицом. "Мы пришли к господину Цуй, можем ли мы узнать, свободен ли он в данный момент?"

Слуга средних лет выглядел смущённым некоторое время, а потом сказал: "Я господин Цуй".

Ли Е был поражён его ответом, и Су Эмэй тоже нашел его ответ невероятным. Вэй Сячжуан выглядел шокированным и сказал ему: "Я имел в виду господина Цуй Кели!".

"Я Цуй Кели", - сказал слуга средних лет со всей серьезностью, - "Я живу здесь один".

Все трое смотрели друг на друга в замешательстве. "Разве этот человек не просто слуга?"

Как Цуй Кели, известная фигура в Цзяньху и непосредственный ребенок семьи Цуй, могла одеваться так поношенно? Его лицо выглядело очень обычным, никто не узнал бы его, как только он влился в огромную толпу. Говорили, что ученые будут иметь гораздо более выдающуюся ауру вокруг них, но этот парень перед ними не мог выглядеть более обычным.

Теперь все, наконец, поняли, почему у секретаря приемной было такое выражение, когда он услышал, что они приехали в Цуй Кели.

Ли Ёе подумал о том, что сказал Цуй Кели, и спросил: "Господин, вы сами посадили все культуры на улице?"

Цуй Кели кивнула. Увидев, что Ли Ёе был весьма удивлён, он продолжил объяснять: "Ученый должен делать всё сам, если он хочет оставить наследство своим потомкам". Как ученый, который соблюдает конфуцианство, я также должен стремиться обеспечить благополучие каждого человека в этом мире, сначала поддерживая высокий уровень самодисциплины, имея гармоничную семью, затем управляя своим народом, и, в конечном счете, обеспечивая мир во всем мире". Сказав это, не испытывая и не понимая страданий народа за себя, как я могу начать обеспечивать благополучие своего народа?"

Это был первый раз, когда Ли Ёе услышал этот аргумент.

Он встречался со многими учеными в Чанъане, все они предпочитали писать стихи, дегустировать вина и посещать бордели как так называемые элегантные мероприятия, и считали простых людей людьми с самым низким социальным статусом. Младший брат Вэй Баохена, Вэй Цзяньнань, был именно таким ученым.

При императорском дворе было много учёных, которые всё ещё не могли распознать разницу между луком-пореем и чесноком! Разве конечной целью любого ученого не должно быть

служение императорскому двору с выдающимися знаниями и боевыми искусствами? Разве это не те самые люди, которые будут отдавать приказы всей стране и контролировать благосостояние народа?

Ли Ёе не мог не впечатлиться этим скромным ученым, который решил заниматься сельским хозяйством самостоятельно, поэтому он проткнул одну руку в другую перед своей грудью и искренне сказал: "Твои слова действительно просветили меня, твои действия и мысли должны быть услышаны всеми учеными в стране".

Тем не менее, Цуй Кели покачал головой, услышав его комплименты. Он тяжело вздохнул и вернул любезность. Чувствуя стыд, он сказал: "Пожалуйста, не делай мне таких комплиментов, детка. Я не в том положении, чтобы принимать твои добрые слова. За десятилетия моего учебного пути я был только с моими маленькими домиками и сельскохозяйственными угодами и никогда не путешествовал по стране, чтобы по-настоящему увидеть и пережить страдания народа. У меня много мыслей и убеждений, но я могу писать только для того, чтобы выразить свои амбиции. На самом деле, я никогда по-настоящему не делал ничего, что приносило бы пользу людям. Я не оправдал ожиданий своих предков и не осмеливаюсь называть себя ученым".

"Дареш не называет себя ученым!"

Ли Ёе потерял дар речи, услышав эту фразу.

Он вдруг вспомнил что-то.

Ли Сянь однажды также упомянул, что едва ли найдётся учёный, у которого есть разум в нужном месте для своего народа. Все они забыли о своих амбициях, как только вошли при императорском дворе, и думали, что они превосходят других, как только у них есть некоторое культивирование. В их глазах народ был всего лишь объектами под их управлением.

Однако Цуй Кели из префектуры Цин можно считать достойным ученым конфуцианства.

Когда Ли Сянь сказал это, его глаза были наполнены восхищением и уважением. В воспоминаниях Ли Ёе едва ли кто-нибудь во всем мире мог заставить Ли Сяня почувствовать это.

<http://tl.rulate.ru/book/26746/1003178>